

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б87

Carolyn Brown
THE SOMETIMES SISTERS

Серия «Королева романтической прозы»

Публикуется с разрешения Amazon Publishing, www.apub.com, при содействии Литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского *Ирины Максимовой*

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Браун, Кэролин.

Б87 **Время сестер:** [роман] / Кэролин Браун; [пер. с англ. И. Максимовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Королева романтической прозы).

ISBN 978-5-17-119046-0

В детстве Дана, Харпер и Тони не особо ладили между собой и виделись только летом в маленьком пансионате у доброй бабушки Энни. Спустя годы у женщин по-прежнему не так много общего: непутевый отец и наследство, которое они получают с одним условием — управлять пансионатом сообща.

Трем женщинам с разными судьбами предстоит вновь собраться на берегу живописного озера в Техасе, чтобы помимо нескольких коттеджей, маленького домика, кафе и магазинчика, обрести ворох воспоминаний, секретов... и свою семью.

Теплая, волшебная сказка о настоящей дружбе, прощении и любви надолго останется в сердце каждого.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Carolyn Brown, 2018
© Максимова И., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-119046-0

Эта история, как необработанный алмаз,
требует полировки, чтобы проявить свои скрытые блеск и красоту.
Спасибо моему редактору Кристе Стровер за то,
что она полирует мои истории,
чтобы подчеркнуть все оттенки чувств.
Благодаря ей эта история засияла как бриллиант.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Обещай мне, — прошептала Энни.
— Обещаю, — кивнул Седекия со слезами на глазах.

— Обещай, что приведешь их всех сюда, в родной дом. — Она подняла руку и коснулась его щеки. — Им нужно залечить раны.

— Приведу. Отдохни пока. — Сед прижимал ее хрупкое тело к себе, слегка покачивая.

На протяжении двух дней она время от времени теряла сознание, и каждый раз, приходя в себя, снова и снова заставляла его обещать, что он вернет ее внучек в родной пансионат у озера. Внезапно ее глаза раскрылись, и она обхватила руками его лицо.

— Ты...

По ее лицу ручьем потекли слезы.

— Знаю, Энни.

Их щеки соприкоснулись, и потоки соленых слез смешались вместе.

— Я любила тебя с тех пор, как мы были детьми. — Она сделала глубокий вдох и начала медленно выдыхать воздух.

— Ох, Энни... — начал он, но вдруг понял, что она больше не дышит.

Весь мир замер, а он все продолжал прижимать ее к себе. Одно сердце билось ровно, беззвучно раскалываясь на кусочки. Другое сердце, которое десятилетиями билось с ним в унисон, заснуло вечным сном, оставив его одного.

— Господи, за что? — взмолился он. — Я должен был уйти первым!

Прекрати! — Голос Энни прозвучал так ясно в голове Сед, что он взглянул на ее губы, проверяя, не задышала ли она. — *Я же тебя просила — никакой скорби. Мы просто расстаемся на время и скоро снова будем вместе. Помнишь, когда ты ушел на фронт и мы были далеко друг от друга? Пока что у тебя есть задание. Так что сейчас же возьми себя в руки, Седекия, и позвони девочкам.*

Настал момент, который они обсуждали последние три месяца, складывая всю мозаику по кусочкам. За исключением мелких деталей, по которым они так и не пришли к общему мнению, план действий для следующего этапа, как она его назвала, был готов. Но Сед и представить себе не мог, насколько тяжело ему будет отпустить ее навсегда, когда придет время.

Он мягко опустил ее на подушку, переплел пальцы своих черных рук с ее бледными пальчиками и наклонился, чтобы поцеловать каждую костяшку.

— Ох, Энни, я не смогу без тебя жить.

Девочки тебе помогут, — прозвучал нежный голос в его голове. — *А теперь отпусти меня, Сед. У тебя много дел.*

— Не могу, — простонал он.

Он сидел и сидел у ее кровати, и только через полчаса позвонил врачу, который по совместительству был также и коронером округа. Когда пришли за телом, Сед шел рядом с каталкой до фургона, держа Энни за руку.

— Понимаю, у нас с Энни были предварительные договоренности, но все же... Быть может, ты хотел бы поехать в похоронное бюро, чтобы повидаться с ней на прощание перед тем, как... — начал врач и замаялся.

Сед медленно покачал головой.

— Она просила меня этого не делать, а я должен выполнять ее желания. Я не могу с ней проститься. Никогда не мог и не могу до сих пор, но пока я вас ждал, мы с ней все решили. Позвоните, когда можно будет приехать забрать прах.

В конце его голос дрогнул.

Доктор похлопал Седу по плечу.

— Прими мои соболезнования, Сед. Она была потрясающей женщиной и верным другом.

— Моим *лучшим* другом, — сказал он, вытирая слезы. — Мы столько пережили вместе.

— Если что-нибудь будет нужно, звони.

— Спасибо. Прямо сейчас нужно позвонить девочкам, как бы мне не хотелось.

— Разве они еще не здесь?

Сед провел рукой по кудрявой седеющей шевелюре.

— Энни не разрешала им говорить. Без рыданий. Без шума. Такая уж она была.

— Это точно, — кивнул доктор. — Мне очень, очень жаль, Сед.

— Благодарю.

Сед провожал взглядом фургон, пока тот не скрылся из виду, и при этом не переставал махать, прямо как в тот день много-много лет назад махал из окна автобуса, увозившего его на войну, как можно дальше от Энни и ее нового мужа. Он надеялся, что забудет ее, но ни время, ни расстояние так и не смягчили боль. Энни вышла замуж за его друга Шеймаса Клэнси. Если бы Сед родился блондином с белой кожей, то прекрасная Энни принадлежала бы ему. Но боль в день ее свадьбы не могла сравниться с болью, царившей в его сердце этим утром, когда фургон коронера медленно исчезал за горизонтом, а над мостом через озеро разливался свет восходящего солнца.

С каждой милей голова Харпер гудела все сильнее. Она была за рулем все того же пикапа выжженного оранжевого цвета, что и два года назад, когда по пути в Оклахому она ненадолго заезжала в дом у озера, чтобы поработать в одном из казино на другом берегу Ред-ривер. С тех пор, как она в последний раз ночевала в том доме, прошло уже десять лет. После того лета ее жизнь больше никогда не будет прежней.

Каждый раз, когда она проезжала мимо озера, она ощущала камень на сердце, тяжелый как «бьюик». Этот камень лежал там с того дня, когда она отказалась от своей дочери, и по-прежнему причинял невыносимую боль.

Харпер сбросила скорость, увидев ликеро-водочный магазин, но не затормозила. Ее сестры, Тауни и Дана, ухмыльнулись, если бы узнали. Заявись она с бумажным пакетом за паухой, у них появилось бы настоящее раздолье для шуток. Первый поворот направо перед мостом, и вот она на месте: двенадцать коттеджей, перед которыми располагались магазин и кафе. Неподалеку примостился небольшой белый домик с двумя спальнями. Здесь и жила бабушка Энни, а Харпер с двумя сестрами приезжали сюда на месяц каждое лето до того момента, пока все резко не оборвалось в августе, незадолго до шестнадцатилетия Харпер.

Батон, блесна и болонская колбаска — так бабушка Энни называла свой магазинчик. Конечно, это были не единственные товары — там продавались также пиво и разные другие закуски, а на отдельной полке стояли товары для походной аптечки, солнцезащитный крем и мазь от ожогов на случай, если постояльцы забыли прихватить их с собой. В магазине также были холодильники с молоком и безалкогольными напитками, большой аквариум с мальками и отдельный холодильник для хранения готовой наживки в банках, а у входа

расположились две бензоколонки, чтобы лодки, а также машины и фургоны всегда были на ходу.

Харпер помнила в этом магазине каждую полочку. Она подъехала с торца к входу в кафе. Здесь дядя Сед готовил лучшие блюда во всем северном Техасе, а Флора поддерживала чистоту. Десятилетиями этот бизнес приносил плоды, но теперь одного из трех его основателей не стало.

Она припарковалась и откинула голову на спинку сиденья, закрыв глаза. Без запасного колеса. Бензобак пуст, как и кошелек. «Одними молитвами да попутным ветром», — прошептала она, вдыхая терпкие запахи озерной воды и свежескошенной травы, аромат первых весенних роз вперемешку с сигаретным дымом. Пансионат «У озера», как гласила выцветшая дверная табличка, ни капли не изменился.

На пороге показался дядя Сед и помахал ей рукой. Его зеленые глаза смотрелись нелепо на фоне черной как смоль кожи. Кудрявые волосы, в прошлом короткие и насыщенно-черного цвета, теперь стали немного длиннее и с сильной проседью; все же ему уже было лет семьдесят, а может, семьдесят один или два. Он был такого же возраста, как бабушка и покойный дедушка Харпер. Дядя Сед, все такой же щуплый, выглядел так, будто не выходит из дома без тяжелых булжников в карманах, чтобы весенний бриз не подхватил и не унес его к озеру, хотя он всегда был худой как жердь и не снимая носил рабочий комбинезон. Все же есть в этой жизни постоянство, и слава богу, что есть.

Как только Харпер поднялась с сиденья и опустила ноги на землю, ее снова пронзила головная боль.

— Доброе утро, дядя Сед.

По правде говоря, дядей он был ей не родным, а скорее просто был ей как дядя или, может, даже как дедушка. И уж, конечно, он был гораздо больше, чем просто работник пансионата. Самая старшая из трех сестер, Дана, стала называть его дядей, а Харпер и Тауни последовали ее примеру.

Вчера ночью, осушая бутылку виски, она поклялась себе, что больше никогда не будет плакать, но при виде дяди Седа слезы сами навернулись ей на глаза. Она заключила его в крепкие объятия.

— Как же мы будем дальше без нее жить?

— Не знаю, но хорошо, что ты приехала. Нам всем сейчас нужна поддержка друг друга, — сказал он хриплым голосом, чувствуя, как ее слезы смешиваются со слезами на его щеке.

Ее ноздри заполнил сигаретный дым, перекрыв все остальные запахи. Она немного отстранилась, оставив руку на его плече, и спросила:

— Она страдала?

— Нет, дорогая. Она разговаривала со мной, а в следующую секунду ее вдруг не стало. Господь забрал ее быстро.

Он вытащил платок из кармана штанов и вытер ее щеки, а затем свои собственные.

— Остальные здесь?

— Дана и Брук уже в доме, — ответил Сед. — Час назад приехали. Брук растет не по дням, а по часам. По ней сразу видно — твоя племянница. Она мне напоминает тебя в ее возрасте, может, не внешне, но характером. Отнести твои вещи в один из коттеджей?

— Я сама отнесу, если решу остаться. А Тауни придет? — спросила Харпер.

Сед сложил платок и засунул его обратно в карман.

— Она звонила вчера вечером и сказала, что будет. Ваша бабушка заранее все приготовила для вас, сестрички Клэнси, так что не подведите ее.

Харпер раскрыла было рот, чтобы сказать, что она уже подвела бабулю больше десяти лет назад, но передумала. Сейчас не время ворошить старые грехи. Еще пока рано открывать душу, тем более что никто не знал об этой истории.

— Буду стараться не подвести ее. Может быть, пойду разложу вещи в первом коттедже.

— На нем уже бронь. Завтра с утра заезжают рыбаки. Заселю тебя в двенадцатый. Зато будешь поближе к дому и кафе, — сказал Сед. Он подошел к машине и оглядел гору коробок на заднем сиденье. — Похоже, ты все-таки сюда на долго, признаешь ты это или нет.

— От тебя, как обычно, ничего не скроешь, — улыbnулась она. — Вопрос в том, сюда ли именно. Может, я перееду насовсем, а может, через час соберусь и уеду.

— Что ж, будем надеяться, ты задержишься здесь дольше, чем на час. Один я здесь управиться не смогу — годы уже не те, еще и Флора скоро уходит. Она собиралась съехать еще на Рождество, но тогда у нас... — он осекся и поднял свои светлые глаза к небу, но наконец смог взять себя в руки. — Она обещала Энни остаться здесь столько, сколько потребуются, чтобы вы, девочки, освоились на новом месте. А теперь садись за руль и подъезжай к двенадцатому коттеджу как можно ближе к входной двери, и будем разгружать.

В ряду одинаковых коттеджей были предусмотрены места для парковки. Но много лет назад Энни высадила плакучие ивы между домиками, поэтому теперь гости оставляли машины у входа. Сейчас эти деревья уже вымахали размером с коттеджи, а свежие махровые листочки на ветках прогоняли зиму прочь и приветствовали весну. Коттеджи были покрашены белой краской, причем каждый имел свою отделку, а на маленьком крыльце стоял винтажный садовый стул из металла. Казалось совершенно уместным, что Харпер будет жить в двенадцатом номере с красной дверью, красной декоративной отделкой и красным стульчиком на парадном крыльце.

Это ее наказание за те ночи, когда она тайком выбиралась из дома, чтобы встретиться с Уайаттом в этом самом коттедже, а красный цвет служил напоминанием обо всех ее грехах. Но Сед не знал о том, что произошло тем летом, поэтому точно не мог выбрать дом по этой причине. Скорее всего,

все остальные коттеджи были просто забронированы, а этот будет пустовать долгое время. Харпер одернула себя и пожалела, что попыталась связать эти события.

Пока она во второй раз вылезала из машины, Сед уже откидывал задний борт. Он вынул из кармана комбинезона настоящий железный ключ, на большом брелке которого были выбиты цифры «12», и бросил ей.

Харпер поймала ключ в воздухе и вставила его в замочную скважину, но поворачивать не спешила.

Сед наконец поднял борт автомобиля, и тот со скрежетом распахнулся.

— Смазать бы тебе его. Ну чего стоишь? Рождества ждешь?

— Нет, Пасхи, — попыталась пошутить она, но шутка не удалась.

— Так до нее еще две недели, а ночью-то холодно. Ты же помрешь от пневмонии, если останешься ночевать на крыльце. Ну же, отпирай дверь, — сказал Сед, поставив два чемодана у входа, и ушел за коробками.

Харпер вдохнула так глубоко, что в груди заболело, и начала медленно выдыхать, открывая дверь. Шторы оказались распахнуты на большом окне у задней стены, и из него открывался вид на высокие сосны, ивы и несколько крупноплодных дубов. Она подошла к окну и увидела, как по краю опушки скачет кролик и пара белочек гоняется друг за другом среди веток деревьев. Повсюду порхали птички, воспевая весну.

Сед протолкнул чемоданы внутрь.

— Как замечательно жить у озера! Нет этого дурацкого кабельного телевидения и вай-фая.

Харпер резко обернулась.

— Хватит тебе уже таскать тяжести, дядя Сед. Я, кажется, замечталась. Оставь, я занесу все сама. Спасибо за все. Особенно за то, что был с бабушкой в ее последние недели. Если бы ты позвонил, я бы сразу приехала.

— Она не разрешала мне, ты же знаешь, если уж она что-то решила, то спорить бесполезно, — сказал он, вздохнув так глубоко, что, казалось, этот вздох поднялся из самых глубин его души. — Нам будет ее не хватать.

Харпер попыталась слотнуть комок в горле, но он сдавил ей грудь.

— Я думала, она будет жить вечно. Она была мне опорой.

Только бы Сед не уходил — она была пока не готова остаться в доме одна. Еще немного, и на нее волной нахлынут воспоминания.

— Она была опорой для нас всех, дорогая, — прошептал Сед.

Харпер присела на край кровати.

— Она много раз говорила мне, что ты, дедушка Шеймас и она всегда были верными друзьями. Может быть, ты расскажешь нам какие-нибудь истории?

Сед опустил в кресло с прямой спинкой на другом конце комнаты.

— Расскажу когда-нибудь. Мы всегда были вместе, кроме тех лет, что я провел в армии. Она писала мне письма во Вьетнам каждый день. Они до сих пор у меня хранятся.

Харпер положила свои солнцезащитные очки на кровать.

— Я и не знала, что ты был во Вьетнаме.

— Я редко об этом говорю. Мне не понравилось жить вдали от семьи. Когда я вернулся, Энни взяла меня разнорабочим, потому что мой папа скончался в том году. Это было в 1966-м. Когда сразу после старшей школы я пошел в армию, то думал, что так и останусь служить, но шести лет мне хватило с головой. Я вернулся домой, и Шеймас с Энни дали мне работу. А потом не прошло и двух лет, как умерла мама — это был 1968-й, и я перешел работать на кухню. Уже почти пятьдесят лет, как я готовлю.

— Мне казалось, что ты всегда был здесь, и даже не припомню, чтобы когда-то было иначе, — сказала Харпер.